

# ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемѣсячный  
литературно-политическій  
журнал*

Выходит при ближайшем участіи

*Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРБОВА.*

№ 166

ОКТЯБРЬ 1965 ГОДА

# СОДЕРЖАНІЕ

Стр

ДУХ ВРЕМЕНИ. Редакціонная статья . . . . .	5
Борис ЗАЙЦЕВ. Данте. Судьба . . . . .	7
Николай АРСЕНЬЕВ. Преображеніе красоты и любви в творче- ствѣ Данте . . . . .	12
Нина ФЕДОРОВА. Нью-Йорк. Бэтси . . . . .	22
Владимір САМАРИН. Свѣтъ невѣдомый. Миниатюры . . . . .	37
А. ГОРСКАЯ. Стихотворенія . . . . .	40
В. Н. ИЛЬИН. Иннокентій Анненскій и конец Периклова вѣка Россіи . . . . .	42
Н. УЛЬЯНОВ. Происхожденіе украинскаго сепаратизма . . . . .	60
П. Л. БАРК. Воспоминанія . . . . .	84
Б. СИБИРСКІЙ. Политграмота в наукѣ . . . . .	98
Л. ДОМИНИК. К возрожденію русскаго театра. (Гастроли Театра Моссовѣта) . . . . .	110
С р е д и к н и г и ж у р н а л о в : С. О. Вл. Маевскій “Дореволюціонная Россія и СССР” — Н. В. СТАНЮ- КОВИЧ. К. Р. Полное собраніе сочиненій, том I . . . . .	126
Б. БОРИСОВ. По “ту” сторону . . . . .	133
Я. Н. ГОРБОВ. Л и т е р а т у р н ы я з а м ѣ т к и : Архіепис- копъ Іоанн Сан-Францискскій “Книга Свидѣтельств” — С. Л. Бертенсон “В Холливудѣ с В. И. Немировичем- Данченко” . . . . .	144
Кн. С. ОБОЛЕНСКІЙ. Д ѣ л а и Л ю д и : Пожар в Азіи — Против общаго врага — Борьба надолго — Роспуск бывшаго “лагеря” — От десталинизации к освобожденію	151

## КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничных дней,  
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.

Подписка, продажа, справки и объявленія.

**ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССИИ  
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА  
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ**

# **ВОЗРОЖДЕНІЕ**

**НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

*ОСНОВАН 3 ЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ, ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 ГОДА И ДО ДЕКАБРЯ 1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ ЕЖЕМѢСЯЧНО.*

# VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE MENSUELLE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction

PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 166

OCTOBRE 1965

P A R I S

73, avenue des Champs-Élysées, (VIII<sup>e</sup>)

Tél. : ELYsées 06-03

# ВОСПОМИНАНІЯ

## ГЛАВА XI

*(Продолженіе) \*)*

Во время работ финансовой конференціи в Парижѣ Ллойд-Джордж передал мнѣ приглашеніе Великобританскаго правительства прїѣхать в Лондон, чтобы познакомиться с членами англійскаго кабинета и путем личнаго обмѣна мнѣнїи выяснить общіе принципы, коими правительства союзных держав должны руководствоваться для скорѣйшаго доведенія войны до побѣднаго конца. Я совсѣм не имѣл в виду посѣщать Англїю и не имѣл на это никаких полномочїй, но получив переданное мнѣ Ллойд-Джорджем приглашеніе счел своей обязанностью им воспользоваться, полагая, что личное общеніе министров союзных держав может только принести пользу общему дѣлу. Посовѣтовавшись с нашим послом А. П. Извольским, который вполне согласился со мной, что мнѣ необходимо поѣхать в Лондон, и добавил, что отказ мой мог бы произвести неблагоприятное впечатлѣніе в Англїи, я дал окончательный отвѣтъ Ллойд-Джорджу, условившись с ним относительно времени моего прїѣзда в Лондон.

Перѣзд из Парижа в Лондон был не особенно прїятен. Я неоднократно совершал это путешествіе в мирное время, для чего требовалось не болѣе семи часов, при чем эти часы проходили совершенно незамѣтно при быстром передвиженїи экспрессов. Только переход из Калэ в Дувр не всегда доставлял удовольствїе так как море бывало неспокойным, вслѣдствїе чего пребываніе на пароходѣ иногда длилось вмѣсто часа с четвертью свыше трех часов. В военное время всѣ экспрессы, в видах экономїи угля и предоставленія большого количества передвижнаго состава в распоряженіе арміи, были отмѣнены. Вмѣстѣ с тѣм проѣзд на Калэ был закрыт и все сообщеніе шло главным образом по линїи Булонь-Фолькстон. Только в рѣдких случаях совершались переходы из Калэ в Дувр, гдѣ были сосредоточены главныя сторожевыя силы для наблюденія за германскими подводными лодками, и всѣ военные транспорты, в видах большей охраны от германскаго нападенія, направлялись также через Фолькстон-Булонь. Выѣхав из Парижа вечером я только на слѣдующее утро был в Булони, откуда пароход доставил меня через три часа в Фолькстон. Всѣ пассажиры должны были одѣть пробковые пояса и я подчинился установленному правилу, но у меня не было увѣренности, что эта предосторожность могла бы послужить ко спасенію в случаѣ нападенія подводной лодки. Погода стояла очень холодная, многіе пассажиры, и я в том числѣ, были

\*) См. "Возрожденіе" №№ 157-165.

одѣты в мѣховыя пальто, и я очень сомнѣвался, что пробковые пояса могли бы нас удержать на поверхности воды. Дулъ довольно рѣзкій вѣтер, развивавшій сильное волненіе, которое не способствовало улучшенію настроенія пассажиров, и я наблюдал, как большинство из них стали сосредоточенными когда мы вышли из гавани в открытое море.

Только нѣсколько предприимчивых “томми” (такова кличка англійских солдат), отправавшихся из Франціи на побывку домой, энергично шагали по палубѣ, с короткими трубками в зубах, остальные же пассажиры меланхолично оставались в теченіе всего перехода без движенія на скамейках и на креслах, разставленных на палубѣ. Благодаря любезности капитана мнѣ устроили защищенное от вѣтра удобное мѣсто около его верхней рубки, и я оттуда мог погрузиться в спокойное наблюденіе за остальными пассажирами и командой. Без всякаго сожалѣнія я покинул пароход в Фолькстонѣ, и настроеніе сразу измѣнилось к лучшему, когда я вновь почувствовал твердую почву под ногами. Переѣзд в Лондонъ взялъ не много времени, и на вокзалѣ я рад был увидѣть знакомыя лица товарища канцлера казначейства Монтэгу и управляющаго Англійским банком лорда Кэнлиффа, которые пріѣхали меня встрѣтить. От министерства финансов присутствовали еще второй товарищ министра Брэдбери и секретарь Ллойд-Джорджа, от нашего же посольства никто из старших чинов не потрудился пріѣхать. Былъ прислан только второй или третій секретарь Волков, котораго мнѣ представилъ агент министерства торговли и промышленности Рутковскій, находившійся также в распоряженіи министра финансов. Я вообще поражался, насколько инертно наше посольство в Лондонѣ относилось къ интересам русских подданных, приходивших с ним в соприкосновеніе. Хотя отсутствіе графа Бенкендорфа на вокзалѣ и поразило меня, но я не придавалъ этому особаго значенія, так как моей поѣздкѣ в Лондонъ не предшествовала предварительная переписка между посольством и министерством иностранных дѣлъ в Петроградѣ, и за отсутствіемъ прямыхъ инструкцій гр. Бенкендорфъ мог не считать себя обязаннымъ выѣхать мнѣ навстрѣчу. По какимъ-то особеннымъ правиламъ этикета онъ нашелъ достаточнымъ привѣтствовать меня в отелѣ, через полчаса по моемъ пріѣздѣ в Лондонъ. Не будучи освѣдомленъ о всѣхъ тонкостяхъ дипломатическаго этикета, я не находилъ нужнымъ высказывать гр. Бенкендорфу свое удивленіе, но в послѣдующіе мои пріѣзды в Англію, когда я совершалъ путешествіе из Парижа в Лондонъ с французскими министрами, коихъ всегда встрѣчалъ французскій посол Камбонъ, мнѣ поневолѣ пришлось имѣть с гр. Бенкендорфомъ непріятные разговоры и указать ему на достойный подражанія примѣръ его французскаго коллеги в Лондонѣ.

Пребываніе мое в Англіи продолжалось всего два дня, но за этотъ короткій срокъ я увидѣлъ много поучительнаго и покинулъ Лондонъ под самымъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ. Вполнѣ понятно, что состояніе умовъ в Англіи, коей не угрожала непосредственная военная опасность, должно было быть инымъ, чѣмъ во Франціи, на территоріи коей развер-

тывались самыя ужасныя битвы. Тогда еще не было воздушных налетов германских цеппелинов на Лондон, и англичане считали себя на своих островах в полной безопасности. Это отражалось, конечно, не только на настроеніи всего населенія, но и на дѣйствіях правительства. Насколько правительственные распоряженія в Парижѣ отличались неуверенностью, настолько принимавшіяся англійским кабинетом мѣры были проникнуты духом спокойной рѣшимости. Я уже упоминаю о том, что кратковременная паника, возникшая вслѣд за объявленіем войны, быстро улеглась, благодаря рѣшительным мѣропріятіям, предпринятым в финансовой области Ллойд-Джорджем, по совѣту министра юстиціи лорда Рэдинга и лорда Кэнлиффа. Точно так же и во всѣх других областях англійское правительство начертало себѣ широкій план, который со спокойной послѣдовательностью проводился отдѣльными министрами в исполненіе.

Разразившаяся война застала у власти либеральный кабинет Асквита, который уже в теченіе нѣскольких лѣтъ управлялъ судьбами Великобританскаго королевства. Сплоченный состав кабинета, объединенный одинаковыми политическими взглядами, не послужил, однако, препятствіем к приглашенію из другого лагеря — консерваторов опытнаго боевого генерала лорда Китченера на отвѣтственный пост военнаго министра. Практичные англичане поняли, что во время европейской войны политическая партійность должна отойти на задній план и уступить мѣсто дѣловой солидарности. В дальнѣйшем признано было нужным привлечь в состав правительства представителей крайних лѣвых партій, и кабинет пополнился назначеніем министров из главных дѣятелей Рабочей партіи, чѣм обезпечивалась поддержка правительства со стороны рабочей массы, которая за время войны была подчинена строгой дисциплинѣ на заводах, изготовлявших предметы военной обороны. Маститый Асквит, перешагнувшій семидесятилѣтвій возраст, был опытным и спокойным политическим дѣятелем, не раз выводившим государственный корабль из разбушевавшихся волн политическаго океана; казалось, что и в тяжелую годину войны не найти лучшаго кормчаго, который мог бы безстрашно и безстрастно стоять у руля во время величайших опасностей. Достойными его сотрудниками были такіе опытные государственные дѣятели как сэр Эдуард Грэй, руководившій долгіе годы иностранной политикой, исключительно выдающійся по способностям канцлер казначейства Ллойд-Джордж, талантливый министр юстиціи лорд Рэдинг, заслуженный боевой генерал лорд Китченер, призванный к отвѣтственному дѣлу созданія новой сухопутной арміи, и сравнительно молодой, полный энергіи Черчилль — морской министр, заслужившій широкое довѣріе своими дѣловыми выступлениями в парламентѣ и рѣшительными распоряженіями во флотѣ. Знакомство с этими лицами вселяло во мнѣ убѣжденіе в необычайной сплоченности англійскаго кабинета и в чрезвычайной мощи Великобританіи. Никто из них не скрывал от себя огромных трудностей, которыя лежали на пути союзников в дѣлѣ борьбы с таким организован-

ным противником, как Германія, но у всѣх чувствовалась непоколебимая рѣшимость идти на всѣ жертвы для окончательной побѣды, и никто не страшился ответственности за проведеніе, для достиженія намѣченной главной цѣли, самых энергичных мѣр, которыя могли чрезвычайно стѣснять населеніе. В началѣ 1915 года я, конечно, не мог предвидѣть, что отрицательныя стороны парламентскаго режима и огромная сила враждебной правительству прессы окажутся и в Англіи настолько могущественными, что внесут разложеніе в среду кабинета, казавшагося таким крѣпким и спаянным, и свалят в концѣ концов правительство, так умѣло поведшее всѣ дѣла с начала войны. Как бы ни было талантливо правительство, оно не может избѣгнуть ошибок, ошибки же эти дали парламенту удобный повод для рѣзкой критики дѣйствій отдѣльных министров, которая находила тѣм болѣе легкой отклик среди населенія, что многія рѣшительныя мѣры правительства вводили большія стѣсненія в обывательскій обиход. Свободолюбивые англичане не могли легко свыкнуться с правительственным вторженіем в их дѣятельность и с различными ограниченіями, распространявшимися на их частную жизнь, и они охотно раздѣляли взгляды парламентаріев и враждебной кабинету прессы, находивших, что все зло происходит, главным образом, от неумѣлых дѣйствій правительства.

Этим настроеніем не замедлил воспользоваться лорд Нортклифф, скуившій в свое время большинство акцій нѣскольких наиболѣе вліятельных газет и журналов и сдѣлавшійся руководителем общественнаго мнѣнія. Во главѣ кампаніи против кабинета Асквита стала весьма распространенная газета "Таймс" и не проходило дня, чтобы тѣм или иным способом не критиковались отдѣльные министры и не набрасывалась бы тѣнь на дѣятельность всего кабинета. Мудрая осторожность и спокойная рѣшимость премьера получила кличку «wait and see» (подождем — увидим). Указывалось, что Асквит по старости лѣтъ утратил всякую способность дѣйствовать быстро и энергично, что всѣ государственныя дѣла приходят в застою и что нельзя, во время страшной войны, оставлять во главѣ кабинета человѣка, который своей медлительностью может привести страну к гибели. Министра иностранных дѣл Эдуарда Грея также упрекали в инертности и обвиняли в том, что многіе совершенно срочные вопросы, требовавшіе безотлагательнаго разрѣшенія, безнадежно залеживались в канцеляріях и департаментах, а бездѣйствіе дипломатов вело к замѣшательству в военных операціях, требовавших полной координаціи дѣйствій союзников, и все вмѣстѣ взятое задерживало успешное развитіе кампаніи, к вящей выгодѣ для нѣмцев.

Лорд Китченер не понравился своим рѣшительным выступленіем за безотлагательное введеніе в Англію обязательной воинской повинности. Большое количество оказавшихся у него противников, даже в нѣдрах самого кабинета, с пѣной у рта доказывали, что эта мѣра означает не что иное, как гибель Англіи, что Китченер, быть может, был бы прав, если он мог бы создать большую армію, до пяти милліо-

нов штыков, в сравнительно короткій промежуток времени; осуществить это, однако, нельзя и приходится мириться с мыслью, что в течение двух лѣтъ, а если война затянется, то может быть и трех, главный удар будут выносить на своей спинѣ арміи французская и русская. Англійская же армія окажется готовой лишь к концу войны. Между тѣм, наборъ большого количества людей отвлекает рабочія руки от фабричных станков, ослабляет производительность англійских фабрик и заводов и стоит англійскому казначейству огромных денег; казалось бы, гораздо логичнѣе и цѣлесообразнѣе отрѣшиться от горделивой мысли создать в Англии то, чего нѣтъ, т. е. сильную сухопутную армію, а союзникам помочь тѣм, чѣм Англія в избыткѣ располагает, т. е. денежными средствами и издѣліями своих фабрик и заводов: такой политикой Англія оказала бы большее содѣйствіе Россіи и Франціи и приблизила бы окончаніе ужасающей войны болѣе, чѣм погоней за неосуществимым миражем. Морской министр Черчилль также не избѣгъ нападок. Парламент обвинил его в чрезвычайном легкомысліи по поводу неудачной морской экспедиціи в Дарданеллы, когда погибли напрасно нѣсколько лучших боевых судов и огромное количество человѣческих жизней. Отвѣтственность за эту неудачу должен был раздѣлить также военный министр, лорд Китченер, но прежде всего пострадал Черчилль, который первый покинул ряды правительства. Лорда Китченера, в виду его большого боевого опыта и популярности, не рѣшались устранить черезчур поспѣшно и потому стали прибѣгать к обычным бюрократическим приѣмам удаленія его от активного участія в дѣлах правительства. Для него придумывались разныя отдаленныя командировки, сначала в Галлиполи и в Салоники, затѣм в Россію. Трагическая гибель его на крейсерахъ «Hampshire», который пошел ко дну у англійских берегов, направляясь в Архангельск, избавила врагов военного министра от затруднительных поисков подходящаго способа для вывода его из состава кабинета. Наконец, личныя распри между Асквитом и Ллойд-Джорджем повели к тому, что Ллойд-Джордж, создавшій в короткое время министерство снабженій и замѣнившій потом лорда Китченера на посту военного министра, подал прошеніе об отставкѣ. Боязнь потерять такого исключительнаго государственнаго дѣятеля как Ллойд-Джордж ускорила развязку. Вопрос стал ребром: или Асквит, или Ллойд-Джордж. Предшествовавшій политическій поход парламента и прессы против Асквита предопредѣлил рѣшеніе: общественное мнѣніе было явно настроено против Асквита, и королю Георгу ничего другого не оставалось как принять отставку не Ллойд-Джорджа, а Асквита, образованіе же новаго кабинета поручить Ллойд-Джорджу. Не могу не отмѣтить попутно, как в одном из засѣданій Палаты Общин, на исходѣ четвертаго года войны, лѣтом 1918 г., социалистическій депутат Джон Барнс охарактеризовал прессу, находившуюся в руках лорда Нортклиффа: “Желтая пресса, во главѣ с “Таймс”, “Дэйли Мэйль”, “Ивнинг Ньюс”, состоит из газет, которыя являются собственностью подлецов, издаются негодяями и читаются дураками”.

В январѣ 1915 года, однако, еще ничто не предвѣщало, что единеніе англійскаго кабинета могло бы быть нарушено, и знакомство мое с отдѣльными министрами только подтвердило впечатлѣніе полной солидарности, существовавшей в это время в рядах правительства. Ллойд-Джордж, со свойственной ему искренней предупредительностью, взялся познакомить меня с главными дѣятелями кабинета. Прежде всего мы отправились с ним к лорду Китченеру, который был воплощенным типом воина, закаленного в колониальных боях. Высокаго роста, стройный, со смѣлым взглядом пронизательных глаз, он всей фигурой производил впечатлѣніе необычайной силы и энергіи. Говорил он отрывисто, лишних слов не тратил, но находил мѣткія выраженія для передачи своих мыслей. Он мнѣ высказал свое мнѣніе, что начало войны показало, насколько Державы Согласія были неподготовлены к военным дѣйствіям по сравнению с Германіей, и потому необходимо приложить всѣ усилія к тому, чтобы техническое оборудованіе армій поставить на должную высоту. В самой Англии ведутся обширныя приготовленія, и в ближайшем будущем производительность англійских фабрик и заводов, изготовляющих предметы обороны, будет чрезвычайно повышена, однако, ограничиваться этим, конечно, нельзя, и нужно думать об использованіи также иностранных рынков, среди которых американскій представляет наибольшее значеніе. Англійское военное министерство выступило уже в Соединенных Штатах в качествѣ крупнаго заказчика, но оно встрѣтилось с конкуренціей своих же союзников, французов и русских. В видах достиженія наилучших результатов в дѣлѣ приготовленія военнаго снаряженія весьма важно, чтобы союзники договорились между собою и производили заказы за предѣлами своих стран по взаимному согласію и по предварительно выработанному плану, устраняя вредную конкуренцію, которая ведет только к вздорожанію заказываемых предметов, к затяжкѣ выполнения заказов, а иногда и к потерѣ союзниками задатков без всякаго полученія заказаннаго ими. Практичные англичане пришли к убѣжденію, что для правительственных заказов гораздо цѣлесообразнѣе имѣть одного крупнаго, отвѣтственнаго контр-агента, который за опредѣленную комиссію берет на себя труд подыскивать соответствующіе фабрики и заводы, для распределенія между ними военных заказов, с надлежащей отвѣтственностью за их исполненіе, чѣм входить в непосредственныя сношенія с различными мелкими поставщиками, которые зачастую оказываются лицами недобросовѣстными, заинтересованными лишь в полученіи крупных авансов и несколько не заботящимися об изготовленіи самих предметов военнаго снаряженія. Способ примѣняемый англійским военным министерством, быть может, удорожает иногда стоимость заказов, но зато предохраняет от передачи заказов в руки спекулянтов, неспособных выполнить принятыя на себя обязательства, и от напрасной траты крупных казенных сумм. Лорд Китченер остановился, в частности, на большом значеніи достаточных запасов взрывчатых веществ

для союзных армій и просил меня выслушать доклад о новых изобрѣтеніяхъ в этой области лорда Моультона, коему военное министерство дало специальное порученіе поставить научные и практическіе опыты различными взрывчатыми веществами на самыя широкія основы. Лорд Китченер развил мнѣ также свою программу образованія мощной сухопутной арміи; он говорил, что убѣжден в необходимости провести в Англии принципы всеобщей воинской повинности, что он не скрывает от себя большихъ трудностей, лежащих на пути осуществленія этой задачи, так как приходится считаться с народной психологіей и с укоренившимся в Англии взглядом, что государство не может принудительно располагать свободной человѣческой личностью. Но война уже внесла много стѣсненій в частный обиход, эти стѣсненія со временем могут только увеличиваться, и он надѣется, что англійскій народ освоится также с мыслью об обязанности каждаго способнаго носить оружіе англичанина выступить на полѣ брани для защиты своей родины. В заключеніе лорд Китченер говорил мнѣ о безусловной необходимости для союзныхъ державъ полной координаціи ихъ военныхъ дѣйствій. В началѣ войны это было невозможно, так как союзники не были подготовлены к ней и инициатива находилась постоянно в рукахъ противника, с теченіемъ времени условія, однако, должны измѣниться и когда техническое оборудованіе будет на должной высотѣ, главнокомандующіе союзными арміями должны будут настолько согласовать свои планы, чтобы заранѣе было установлено не только приблизительное время общаго наступленія, но точный день и часъ активныхъ дѣйствій на всѣхъ фронтахъ. Только при такой полной координаціи можно будетъ заставить противника ввести в бой всѣ его силы и нанести ему серьезное пораженіе, тогда как разрозненныя дѣйствія союзниковъ позволяютъ германцамъ бить своихъ противниковъ по частямъ, сохраняя резервы и перебрасывая ихъ, в нужный момент, безпрепятственно с одного фронта на другой.

С Асквитомъ я познакомился в Палатѣ Общин, куда мы направились с Ллойд-Джорджемъ и морскимъ министромъ Черчиллемъ, послѣ короткаго отдыха в кабинетѣ канцлера казначейства, гдѣ Черчилль ожидалъ возвращенія своего коллеги от лорда Китченера. Помѣщеніе министерства финансовъ находилось противъ дома военнаго министерства на улицѣ Уайтхолл, недалеко от Вестминстерскаго аббатства, знаменитаго зданія, гдѣ происходятъ засѣданія Палаты Общин и Палаты Лордовъ, и мы наши визиты совершали с Ллойд-Джорджемъ пѣшкомъ. В этотъ день премьер-министръ долженъ былъ отвѣчать на цѣлую серію вопросовъ в парламентѣ, вслѣдствіе чего оставался все время в стѣнахъ Вестминстерскаго аббатства, гдѣ я его засталъ в его кабинетѣ, послѣ приѣма депутаціи рабочихъ, прибывшихъ из Ирландіи. Асквитъ былъ, видимо, утомлен, но тѣмъ не менѣе удѣлил мнѣ четверть часа передъ новымъ выступленіемъ на правительственныхъ скамьяхъ в Палатѣ Общин. Это былъ средняго роста маститый старецъ, с бритымъ по англійскому обычаю лицомъ, длинными бѣлыми волосами и пытливымъ взглядомъ умныхъ глазъ. Раз-

говор наш не отличался каким либо спеціальным интересом, носил характер общаго обмѣна мнѣніями и закончился взаимными любезностями. Асквит выразил большое удовлетвореніе по поводу успѣшнаго окончанія работ финансовой конференціи в Парижѣ и добавил, что ему извѣстно, насколько взгляды Ллойд-Джорджа совпадали с моими, благодаря чему на конференціи было достигнуто скорое единеніе. Как и лорд Китченер, он мнѣ говорил о необходимости координаціи дѣйствій союзников и закончил бесѣду указанием на то, что в Англіи начинают теперь оцѣнивать всю мощь Россіи, отдают должное блестящим военным успѣхам русских войск и не сомнѣваются в конечной побѣдѣ над германцами, имѣя таких союзников как Россія и Франція. В Вестминстерском аббатствѣ я оставил Ллойд-Джорджа и поѣхал в министерство иностранных дѣл на свиданіе с Эдуардом Грѣем. В нем я нашел тот же тип уравновѣшеннаго, выдержаннаго, спокойнаго государственнаго дѣятеля из школы Асквита, прошедшаго долгій политической стаж. В своей области он приобрѣлъ огромный опыт, нити всѣх дѣл сосредоточивались в его руках, и его противники упрекали его даже в том, что он слишком много дѣл берет лично на себя, вслѣдствіе чего в министерствѣ иностранных дѣл ничего нельзя добиться в тѣ дни, когда он уѣзжает на отдых в деревню, гдѣ он увлекался рыбной ловлей. Грэй благодарил меня за то, что я принял приглашеніе британскаго правительства и пожертвовал своим временем для поѣздки в Лондон, гдѣ у меня не было спеціальнаго дѣла, и выразил надежду, что личное знакомство с англійскими государственными людьми облегчит в будущем пониманіе и рѣшеніе многих вопросов, которые, несомнѣнно, будут зачастую возникать в теченіе европейской войны. Он в частности остановился на необходимости для великих держав оказывать постоянную помощь малым народам вовлеченным в войну и опирающимся на Англію, Россію и Францію, говорил о трагической судьбѣ Сербіи и указывал на тяжелое положеніе гражданскаго населенія Бельгіи. Нарушеніе германцами нейтралитета этой страны произвело в Англіи ошеломляющее впечатлѣніе, симпатіи к угнетенному народу выразились в широкой организаціи разносторонней помощи пострадавшему населенію; многіе бѣженцы нашли пріют на англійской герриторіи, частная благотворительность была озабочено тѣм, чтобы воспользоваться американским комитетом Рокфеллера и при его содѣйствіи оказывать помощь населенію в предѣлах оккупированной германцами герриторіи. Из бесѣды с ним я вынес то же впечатлѣніе спокойной рѣшимости, которое было основной чертой англійских государственных дѣятелей, входивших в состав кабинета в началѣ 1915 г.; только Грэй, как и Асквит, выглядѣлъ усталым, отличаясь этим от других своих коллег по кабинету. Эдуард Грэй к тому же страдал глазами и носил обыкновенно очки с большими темными стеклами, что придавало его лицу особенно утомленное выраженіе.

В этом отношеніи Ллойд-Джордж, несмотря на свою преждевременную сѣдину в длинных волосах и усах, составлял прямой контраст Аск-

виту и Грэй: насколько они были спокойны и сдержаны и насколько на их безпристрастных лицах не замѣтны были внутреннія переживанія, настолько же лицо Ллойд-Джорджа отражало движеніе его пламенной души, и глаза его горѣли ярким огнем, причем его некрунная фигура выражала собой с наивысшим напряженіем «*esprit de combativité*», свойственный выдающимся народным вождям, для коих вся жизнь проходит в постоянной борьбѣ. Между государственными дѣятелями старой школы типа Асквита и Грэй и Ллойд-Джорджемъ среднее мѣсто занималъ министр юстиціи, впоследствии виконтъ Рэдингъ. Это былъ человѣкъ с большимъ темпераментомъ, который постояннымъ успѣхомъ воли достигъ полного самообладанія, и только вслыхивавшіе по временамъ огня в его выразительныхъ глазахъ выдавали сдерживаемую имъ страстность характера. Лордъ Рэдингъ соединялъ въ себѣ большую эрудицію съ практическимъ умомъ и пониманіемъ жизненныхъ явленій. Какъ я уже упоминалъ, Ллойд-Джорджъ с самаго начала войны широко воспользовался практическими совѣтами лорда Рэдинга для проведенія в области финансовъ разумныхъ мѣръ крупнаго государственнаго масштаба, поставившихъ государственныя финансы Англіи на прочныя основанія.

Насколько Ллойд-Джорджъ в мирное время былъ сторонникомъ и проводникомъ широкихъ демократическихъ реформъ и выступалъ в Палатѣ борцомъ противъ капитала, увеличивая тѣмъ самымъ количество своихъ враговъ в рядахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ, фабрикантовъ и банкировъ, настолько же онъ с самаго начала войны рѣзко измѣнилъ свою политику, понимая, что государство можетъ добыть огромныя средства, необходимыя для успешнаго веденія войны, только въ тѣсномъ единеніи с крупнымъ капиталомъ. Однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ в единомышленниковъ по проведенію финансовыхъ мѣръ военнаго характера былъ управляющій Англійскаго Банка лордъ Кэнлиффъ. В Англіи центральный эмиссионный банкъ — частное учрежденіе, независимое отъ министерства финансовъ, во главѣ его стоитъ совѣтъ изъ представителей банковскаго и коммерческаго міра, и управляющій, ежегодно избираемый изъ числа наиболѣе выдающихсяъ коммерсантовъ. Кэнлиффъ былъ избранъ управляющимъ Банкомъ незадолго до войны, на двухгодичный срокъ; военныя событія, однако, внесли много перемѣнъ в англійскую жизнь, многіе обычаи, примѣнявшіеся с незапамятныхъ временъ, и отъ коихъ англичане ни за что не отступали бы при обыкновенныхъ условіяхъ, подверглись кореннымъ измѣненіямъ, и среди нихъ былъ нарушенъ также строго проводившійся принципъ ежегоднаго избранія управляющаго Англійскимъ Банкомъ. Личность управляющаго, имѣвшая в мирное время скорѣе декоративный характеръ, такъ какъ дѣла Банка рѣшались его совѣтомъ, а управляющій за одинъ годъ нахожденія в должности не могъ пріобрѣсти особаго авторитета в направленіи дѣла. во время войны пріобрѣла совершенно особое значеніе. Англійскій Банкъ, какъ регуляторъ денежнаго обращенія в странѣ и какъ резервуаръ вѣхъ свободныхъ капиталовъ, стекавшихся в его кассы, былъ главнымъ оплотомъ англійскаго казначейства, черпавшаго при его содѣйствіи с денежнаго рынка сред-

ства, необходимыя не только Англїи, но и ея союзникам для покрытія военных расходов. В виду сего Ллойд-Джордж, с самаго начала военных дѣйствій, вступил в тѣсное единеніе с Англійским Банком, и хотя послѣдній по закону оставался частным учрежденіем, независимым от министерства финансов, но фактически ни одно серьезное мѣропріятіе по банку не проходило без одобренія со стороны министерства финансов, равно как никакія проблемы, связанныя с кредитом, не рѣшались канцлером казначейства иначе как в полном согласіи с Англійским Банком. Понятно, что для такой согласованной политики Банка и Казначейства требовалось единство распоряженій в самом Банкѣ, вот почему был измѣнен принцип ежегодной смѣны управляющаго Банком, Кэнлифф был признан несмѣняемым управляющим на все время военных дѣйствій и был облечен широкими фактическими полномочіями по согласованію дѣятельности Банка с военными нуждами. Защитник демократических реформ Ллойд-Джордж провел цѣлый ряд мѣропріятій по совѣту Кэнлиффа, очень скоро оцѣнил его большія заслуги и выхлопотал ему в награду титул “лорда”; управляющій же Англійским Банком совершенно измѣнил свое мнѣніе о канцлерѣ казначейства и шутя рассказывал мнѣ, что в его домѣ была приготовлена веревка, на которой предполагалось повѣсить Ллойд-Джорджа в возмездіе за его демократическія реформы, с начала же войны, когда Ллойд-Джордж проявил себя защитником крупных финансовых интересов, эта веревка была спрятана в сундук.

Лорд Кэнлифф был типом спокойнаго, флегматичнаго англичанина, медленно думающаго и медленно говорящаго. В засѣданіях он являлся контрастом быстро соображавшему и оживленно говорившему Ллойд-Джорджу; под обычной флегмой у лорда Кэнлиффа скрывалось много природнаго юмора и своими мѣткими замѣчаніями практическаго дѣятеля он не прочь был поставить в тупик болѣе молодых сотрудников канцлера казначейства из рядов министерской бюрократіи. У меня с перваго нашего знакомства установились добрыя отношенія с лордом Кэнлиффом, достойным представителем дѣловаго міра Англїи, он не раз помогал мнѣ в позднѣйшее время, когда мнѣ приходилось вести тягостные переговоры с преемником Ллойд-Джорджа, Мак-Кенна, и я отдыхал по воскресеньям в его красивом помѣстьѣ в окрестностях Лондона в кругу его семьи. Благодаря его содѣйствію первый мой прїѣзд в Лондон во время войны, в январѣ 1915 г., не ограничился только обмѣном любезностями между англійскими государственными дѣятелями и мною, а получил дѣловой характер.

На слѣдующій день послѣ моего прїѣзда, когда я уже перезнакомился с виднѣйшими членами кабинета, а также с представителями дѣловаго міра, Ллойд-Джордж, послѣ устроеннаго в мою честь завтрака в стѣнах Англійскаго Банка, отвел меня в сторону и вмѣстѣ с лордом Кэнлиффом сказал мнѣ, что по их мнѣнію посѣщеніе мною Лондона слѣдовало ознаменовать реальным дѣлом. Он подтвердил мнѣ свое убѣжденіе, что Англїя должна будет оказывать широкую финансовую

помощь своим союзникам, взгляд этот выражен в соглашении подписанном тремя министрами финансов в Парижѣ, коим Россіи обезпечен кредит в сто милліонов фунтов стерлингов, но он полагает, что посѣщеніе мною Англійи и вызванныя им дружескія чувства по отношенію к Россіи должны бы дать повод также для англійской публики откликнуться реальным образом на это общеніе между союзными державами. Вот почему он признавал бы своевременным выпустить на Лондонском денежном рынкѣ, при содѣйствіи Англійскаго Банка, краткосрочныя обязательства русскаго государственнаго казначейства по образцу обязательств, выпускаемых англійским казначейством. Лорд Кэнлифф выразил тут же полную готовность приложить всѣ мѣры к осуществленію плана Ллойд-Джорджа, и было рѣшено приступить к выпуску русских облигацій в Англійи на сумму десяти милліонов фунтов стерлингов — около ста милліонов рублей. Эта финансовая операція должна была послужить первой пробой непосредственнаго помѣщенія на свободном рынкѣ облигацій русской казны, и в случаѣ успѣха могла в значительной мѣрѣ облегчить оказаніе Англійей финансовой помощи Россіи, так как русское государственное казначейство получило бы возможность и в дальнѣйшем реализовать свои займы непосредственно на свободном рынкѣ в Лондонѣ не обременяя англійской казны, которая до того времени выдавала ссуды Россіи из своих средств. Ллойд-Джордж и лорд Кэнлифф очень энергично взялись за выпуск русскаго займа, и на обратном своем пути в Россію я, в Салониках, получил телеграмму от министра иностранных дѣл, сэра Эдуарда Грэйа, извѣщавшую меня, что реализація обязательств русскаго государственнаго казначейства прошла с блестящим успѣхом. Вообще я должен сказать, что благодаря Ллойд-Джорджу первое мое посѣщеніе Англійи во время войны сопровождалось необычайным вниманіем со стороны всѣх лиц, с коими мнѣ пришлось встрѣтиться; устраивавшіеся приемы отличались сердечностью, вездѣ и всюду было замѣтно лишь одно доброжелательное отношеніе. Аудиенція у Короля Георга, на которую я отправился с нашим послом графом Бенкендорфом, была также чужда всякой официальности; начало разговора было еще нѣсколько натянутым, так как Король заговорил со мною по-французски и, не владея свободно этим языком, чувствовал себя стѣсненным, когда же он узнал, что я понимаю по-англійски, сразу перешел на родной язык, и непринужденная бесѣда длилась между Королем, графом Бенкендорфом и мною пятьдесят минут. Было затронуто нѣсколько вопросов, которые послужили предметом обсужденія между англійскими государственными людьми и мною, и, в частности, Король остановился на возможности посылки экспедиціоннаго отряда союзников на Балканы, а также на оказаніи денежной помощи бѣдствующему населенію Бельгійи. Король просил меня доложить Государю о чрезвычайной важности для Держав Согласія вовлечь балканскіе народы в войну на их сторонѣ и указал на готовность англійскаго кабинета приложить всѣ мѣры к осуществленію этого плана. Я отвѣтил, что русское правительство освѣ-

домлено уже об этом планѣ, так как я телеграфировал о нем в Петроград из Парижа, немедленно послѣ обсуждения этого вопроса в частном совѣщаніи министров, и надѣюсь, что в Россіи отнесутся к нему так же как и в Англии, но что меня смущают мнѣнія, высказанныя по этому поводу в Парижѣ, гдѣ члены кабинета, повидимому, очень опасаются ослабленія той помощи, которую они ожидали от Великобританіи. Король не мог скрыть своего возмущенія варварским поведеніем германцев во время войны, говорил мнѣ, что ему в прежніе годы часто приходилось встрѣчаться со своими родственниками, принадлежащими к германскому царствующему дому, но что он никогда не мог предполагать в германском характерѣ такого варварства, которое обнаружилось нынѣ. Он подробно останавливался на нѣкоторых эпизодах, которые особенно его поразили.

Бельгійская королева, бывшая незадолго перед тѣм в Лондонѣ, рассказывала ему, что германскіе офицеры заняли загородный дворец Бельгійскаго Короля, составлявшій частную его собственность, устроили там попойку с особами легкаго поведенія и опустошили весь гардероб Королевы, чтобы одарить своих дам ея платьями и бѣльем. Потом он рассказал, что в Германіи какой-то досужій стихотворец сочинил гимн ненависти против Англии, гдѣ постоянно повторяется строфа: «Gott strafe England». В таком поэтическом творчествѣ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, но болѣе всего его поразило, что этот гимн ненависти исполнялся во время морского парада, когда Вильгельм производил смотр флоту в Свинемюнде. Наконец, Король с возмущеніем передавал о случаѣ, имѣвшем мѣсто во время недавняго морского боя между англійским и германским флотами, когда был потоплен германскій крейсер “Блюхер”. Англійскіе миноносцы, послѣ боя, занялись спасеніем тонувшей германской команды, и между прочим, на одном из миноносцев находился вытасченный из воды молодой германскій офицер, потерявшій сознаніе. Англійская команда не жалѣла усилий, чтобы его спасти, старшій офицер на миноносцѣ дал свое платье, чтобы одѣть нѣмца во все теплое и с участіем стал его разспрашивать, когда удалось, наконец, привести его в чувство. В отвѣтъ на это вниманіе германец плюнул в лицо англійскому офицеру, послѣ чего разгнѣванные англійскіе матросы схватили его и выбросили за борт.

Король Георг V поразила меня своим сходством с Государем. Я впервые видѣл его в 1911 г. в Эдинбургѣ, куда он прибыл вскорѣ послѣ своей коронаціи, и тогда уже замѣтил это сходство, но оно не бросилось мнѣ так в глаза, потому что я видѣл Короля только издали. Теперь же, когда я бесѣдовал с ним, я был изумлен этим родственным сходством; фигура, лицо, глаза, цвѣтъ волос и бороды — все напоминало Государя, и будь они вмѣстѣ и одѣты в одинаковое форменное платье, я думаю, издали трудно было их отличить. Государя это сходство очень занимало и когда я, по возвращеніи, докладывал ему о своей аудіенціи у Короля Георга V, он спросил меня со своей чарующей улыбкой: “Когда вы бесѣдовали с Королем, вам не казалось, что я сижу против вас?”.

В Лондонѣ я провел всего два дня, но за это короткое время у меня набралось множество впечатлѣній исключительно благопріятнаго свойства, не было ни одного диссонанса в моем общеніи с англійскими государственными дѣятелями, и я покидал гостепрѣимную Англію съ чувством полнаго удовлетворенія и съ искреннимъ убѣжденіемъ, что съ такимъ союзникомъ Державы Согласія могутъ спокойно взирать на грядущія испытанія европейской войны.

В Парижѣ я остановился на одинъ день, чтобы принять участіе в обѣдѣ устроенномъ нашимъ посломъ, А. П. Извольскимъ, коему хотѣлось познакомить меня еще съ нѣсколькими видными политическими дѣятелями, съ которыми мнѣ не пришлось встрѣтиться во время работъ финансовой конференціи.

Обратное путешествіе я совершилъ вполне благополучно, по тому же пути; в Тулонѣ, вступивъ на палубу крейсера "Аскольд", я былъ счастливъ очутиться на русской территоріи и в знакомой обстановкѣ. Морской переходъ до Салоникъ былъ совершенъ в четверо сутокъ. Тамъ я засталъ французскаго генерала По, который былъ командированъ своимъ правительствомъ для посѣщенія сербской и русской армій и для передачи знаковъ отличія офицерамъ и солдатамъ, и из Салоникъ выѣхалъ съ нимъ в одномъ поѣздѣ. Это былъ ветеранъ франко-прусской войны, потерявшій в 1870 году правую руку, но продолжавшій тѣмъ не менѣе оставаться на дѣйствительной службѣ. В виду преклоннаго возраста онъ уже не занималъ никакого активнаго поста в дѣйствующей арміи, но посылался верховнымъ командованіемъ для исполненія почетныхъ порученій. Еще бодрый, сохранившій жизнерадостность — генералъ По в пути неоднократно занималъ меня оживленнымъ разговоромъ и дѣлился своими воспоминаніями изъ далекаго прошлаго. Его вагонъ, впрочемъ, вскорѣ былъ отцѣпленъ; сербскія власти должны были встрѣтить его в девять часовъ утра в Нишѣ, а такъ какъ поѣздъ проходилъ черезъ Нишъ ночью, генерала задержали на одной маленькой станціи, чтобы оттуда доставить его во временную столицу Сербіи къ назначенному часу. Хотя я ѣхалъ безъ всякихъ задержекъ, но обратное путешествіе показалось мнѣ очень долгимъ, и я былъ радъ когда добрался, наконецъ, до Петрограда, пробывъ в отсутствіи около пяти недѣль, изъ коихъ главное время пошло на передвиженія.

Государь Императоръ чрезвычайно милостиво привѣтствовалъ меня, когда я дѣлалъ Ему свой докладъ о переговорахъ в Парижѣ и в Лондонѣ и объ аудіенціи у Короля Георга V, а также о моей бесѣдѣ съ Президентомъ Пуанкаре и съ другими французскими и англійскими государственными дѣятелями. Я передалъ Его Величеству короткій письменный докладъ, чтобы Государь могъ спокойно ознакомиться съ нимъ. Онъ вернулъ мнѣ его на слѣдующій день и милостиво благодарилъ меня за достигнутые результаты. Мои коллеги по кабинету встрѣтили меня крайне любезно и Горемыкинъ и другіе министры поздравляли меня съ успѣхомъ моей миссіи.

Я долженъ былъ сдѣлать докладъ в Комитетѣ Финансовъ на засѣданіи котораго по приглашенію предсѣдателя Комитета состоялось у него

на дому. Я прибылъ заранѣе, чтобы освѣдомить гр. С. Ю. Витте частным образом. Гр. Витте выразил мнѣ свое большое удовольствіе тѣм, что его опасенія не оправдались и сердечно поздравлялъ меня с успѣхом.

Когда всѣ члены комитета собрались в кабинетѣ хозяина дома, произошел любопытный инцидент. Секретарем Комитета был чиновник министерства финансов, управляющій кредитной канцеляріей и он обыкновенно сидѣлъ за одним столом с членами Комитета. На этот раз к моему удивленію гр. Витте приказал лакею принести небольшой отдѣльный стол для секретаря и выражал неудовольствіе тѣм, что приказаніе не было исполнено немедленно. По окончаніи засѣданія, когда я покидал дом Витте одновременно с секретарем Комитета, я его спросил, почему его посадили за отдѣльный стол. Он мнѣ отвѣтил, что на собраніе прибыло всего 12 членов Комитета, а он оказался 13-ым и, вѣроятно, Предсѣдатель Комитета хотѣлъ избѣжать этого числа сидящих за одним столом. Я не замѣтил сколько нас было и был удивлен, что число тринадцать беспокоило графа Витте.

Гр. С. Ю. Витте скончался вскорѣ послѣ этого, в мартѣ 1915 г., послѣ непродолжительной болѣзни.

Мнѣ пришлось по долгу службы и по просьбѣ его вдовы графини Матильды Ивановны передать Государю запечатанное сургучными печатами письмо ея покойнаго мужа, которое она нашла среди бумаг графа. Я задавал себѣ вопрос, о чем гр. Витте мог просить в своем предсмертном письмѣ Государя. На ближайшей аудіенціи я передал это письмо Его Величеству. Государь вскрылъ его при мнѣ и сообщил мнѣ его содержаніе. Гр. Витте просил Государя разрѣшить его внуку Нарышкину прибавить к своей фамиліи фамилію Витте с тѣм, чтобы его имя передавалось и послѣдующим поколѣніям.

У графа было двѣ дочери от перваго брака. От втораго брака с Матильдой Ивановной Лисаневич он не имѣлъ дѣтей, но он усыновил дочь Матильды Ивановны от ея перваго брака с Лисаневичем, Вѣру Лисаневич, которая вышла замуж за Нарышкина и имѣла одного сына Кирилла. Прочитав письмо, Император задумался и молчал нѣсколько минут — потом спрятал письмо в один из ящиков письменнаго стола, сказав, что он сообщил мнѣ о своем рѣшеніи позже, и тут же добавил, что Кирилл Нарышкин, которому было тогда 14 лѣтъ, может быть и не захочет прибавлять имя своего не прямого дѣда к своей фамиліи, — тѣм болѣе, что Нарышкины принадлежат к старой аристократіи (мать Петра Великаго была урожденная Нарышкина), а Витте был «self made man».

К просьбѣ Витте Государь болѣе не возвращался. Очень возможно, что большія тревоги и заботы, которыя Он переживал, отвлекали Его от этого дѣла, а может быть и нѣкоторая неприязнь по отношенію к Витте была тому причиною.

*(Продолженіе слѣдует.)*

П. Л. Барк.